

8 OKT 1982

8 OKT 1982

ВЕЧЕРНИЕ НОВОСТИ
Г. Вильнюс

КИНО—ЗРЕЛИЩЕ ИЛИ ВОСПИТАНИЕ?

Похоже, что 55-летнему кинорежиссеру Владимиру Яковлевичу Могилу известна некая магическая формула успеха: его картины смотрят сотни миллионов зрителей больше, чем ста стран. Что касается приключенческой ленты «Белое солнце пустыни» — самого известного его фильма, то здесь сами за себя говорят такие цифры: в первый год в СССР эту ленту посмотрели более 50 миллионов зрителей, на следующий — еще больше, а на третий — почти столько же, сколько за два предыдущих года. Такой популярности в немалой степени способствовали... космонавты. Они смотрят «Белое солнце пустыни» перед каждым стартом на Байконуре. Это стало для них и своего рода психотерапией (медики утверждают, что картина снижает предстартовое волнение) и игрой (они изобрели даже викторины на тему фильма). Космонавт Севастьянов как-то подсчитал, что видел фильм не менее 40 (!) раз, а когда спросили Леонова, как ему не надоедает много-много раз смотреть «Солнце», он ответил, что в картине существует, очевидно, та гармония, которая заставляет нас возвращаться, например, к любимейшей музыке, песне...

Вероятно, понятно, почему

наша беседа с Мотылем — режиссером, несомненно, тонко чувствующим пульс зрительского интереса, началась с вопроса, который сейчас широко дискутируется в нашей прессе: «Кино — зрелище, развлечение или воспитание?»

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из моих коллег считал (если он, конечно, сознательно не идет на полемическое заострение темы разговора), что нужны только воспитательные фильмы или же только развлекательные, — отвечает Владимир Яковлевич. — Необходимость некоего диалектического единства этих начал, на мой взгляд, не просто философское ощущение, а ощутимые практики. Достаточно отвлечься на историю советского кино: скажем, «Броненосец «Потемкин», что это — зрелище или воспитательная картина? Эйзенштейн блистательно владел всем каскадом «аттракционов», но за всем этим вставали идеи революции, ее стихия... А вспомним классику более близкую: «Летят журавли» Калатозова или «Андрей Рублев» Тарковского. Эти фильмы выстроены так, что невозможно отделить их зрелищность от воспитательного эффекта.

Однако я не отрицаю права на существование и чисто развлекательных фильмов. Не

вижу никакого криминала в желании человека отвлечься после тяжелого трудового дня. Французский комедиограф Пьер Этьек снял фильм «Воздыхатель» — чистейшую комедию без каких бы то ни было нравучений. Я не поклонник таких картин, но тем не менее полтора часа смеяться и восхищаться блистательным искусством Этьека.

Но существует и иное кино, в котором философские, политические и публицистические функции определяют самым жанром.

— Создатели таких полюбившихся зрителям фильмов, как «Москва слезам не верит» и «Экипаж», говорили, что еще в начале работы над этими картинами знали, что их будущее творения «обречены на успех». А как, по-вашему, можно ли действительно прогнозировать успех фильма?

— Уверен: о зрителе думать надо всегда, и даже те режиссеры, которых подчас критикуют за элитарность, так или иначе учитывают интересы аудитории, по крайней мере своей. Но существует простая формула психологии: нет легкого способа провалить работу, чем постоянно разглагальствовало о ее будущем успехе. Тотальное «прогнозирование» успеха ведет. на

мой взгляд, к некоей индустрии шаблона. Можно, конечно, помня о некоторых расхожих зрительских вкусах, удовлетворить их серий нехитрых приемов, но разве об этом мечтает художник? Служит ли гордиться широкой аудиторией, если ты собрал ее при помощи, скажем, «тарзаньей эпопеи»? Широкая аудитория — не самоцель. Самоцель — сделать Искусство достоянием широких масс.

Что касается причин необыкновенного успеха «Экипажа» Митты и картины Меньшова «Москва слезам не верит», необходимо вспомнить, что еще недавно в нашем кино делалось изрядное количество, так сказать, повествовательных фильмов с весьма расплывчатыми жанровыми признаками. Одни авторы притались за внешним правдоподобием, другие рассуждали о философичности своих картин-раздумий. Воспитательная функция этих фильмов была очевидной, однако «широкий» зритель, ценящий в кино чистоту жанра и определенность формы, на подобные ленты не ходил. И вот на таком фоне появились ленты с определенно выраженными жанровыми параметрами. И сразу же нашли своего зрителя. По определению самих авторов, фильм «Москва слезам не верит» — мелодрама-сказка: он не претендует на реалистическое, объемное отображение жизни.

— А какие закономерности

такого рода вы можете проследить на примерах собственных картин?

— Снимая «Звезду пленительного счастья», фильм о декабристах, я, естественно, думал о зрителе. И хотя некоторые специалисты предсказали холодный прием (исторический фильм, сложная форма, далекое прошлое), в первый же год проката только у нас ее посмотрели 44 миллиона зрителей, картину купили более тридцати стран... Однако неожиданным для меня было то, что «Звезду...» в первую очередь приняла молодежь (14—20 лет).

— Ваш новый фильм «Лес» (экранизация пьесы А. Н. Островского) уже закончен, а над чем вы работаете сейчас?

— Скажу лишь о форме следующего фильма. Скорее всего это будет трагикомедия. Сегодня, когда человек становится свидетелем множества разнообразнейших событий, он, наш зритель, способен мгновенно переключаться от горестного к смешному...

Беседа вел журналист
С. АВДЕЕНКО.
(АПН).